

Сороковые, роковые...

Москвичей побаловали двумя качественными премьерами – японской комедией и отечественной драмой

Каркнул ворон: Never more

Редкая премьера в «Пушке», тем более в финале, вызывает восторг зрителей предстательского класса. Новый кулуар Роман Козак, видимо, решил кардинально переосмыслить ситуацию: репетировал на своей основной сцене «Ромео и Джульетту», на камерной он выпустил комедию японца Кэки Мигана «Академия смеха», и в первый же вечер малейший зев украсил сразу несколько известных лицам – от Калыгина и Любимицы Гуренко до главного телеведущего Шпириншта-младшего. Схватились эти знаменитости в основном ради Николая Фоменко, но о потраченном вечере наверняка не пожалели. Не пожалевте и вы, если придете на «Академию смеха».

Два часа без антракта. Два актера – Андрей Панин и Николай Фоменко. Сюжет вытекает спирально, как яблочная кожура. Драматург Цубаки написал пьесу под названием «Джулио и Ромсетта» (пот они писались, козаковские репетиции) – комедия, пародирующую всемирно известный оригинал, и несет ее к свежезачищенному цензору для одобрения. Цензор по фамилии Сакисака выдвигает бесконечные условия. И опять. И снова. Драматург все прикидывает день за днем. И снова. И опять. На наших глазах таких встреч случается около десятка.

Цубаки (разумеется, Панин) – робкое,

но жизнерадостное существо, олушанчик, веселый баллабол с милденским духом на голое. Сакисака (соответственно, Фоменко) – каменнотонный, хмурый тубашелл, изогнутый вечным вопросительным знаком (жизнотик вперед, руки за спину), с бритым черепом и пушистпробиваемой логикой. Ходит широко и твердо расставшая массивные ноги.

Первый, как мы уже выяснили, написал для театра комедию. Второй театры не посещает, чувства юмора напрочь лишен, никогда в жизни не смеялся. Сучеюм обобщенного трудового энтузиазма договориться им нелегко. Цубаки пытается рассмешить цензора, разыгрывая собственную пьесу один по всех лицах. Вот он припрыгивает на стол, поджав ножки, – изображает Ромсетту на балконе. Зрители хохочут, Сакисака утриро недоумевает: «Неужели над этим смеются?» – рефрен роли Фоменко на протяжении первого часа.

Придиракам, пожеланиям, претензиям и запретам несть числа. Цензор не хочет разрешить, драматург не может плюнуть, оба словно влянувшись в азартную игру. Они сидят, склонившись над пьесой, как над цинклатной доской, когда партия безнадежна. Каждая сцена начинается с «любого утра», а заканчивается безудержным: «Спасибо, что посетили меня сегодня». Драматург уже испалил свое творение, цензор

только ходит по вкусу. Решившее соавторство. Репетиции прямо в кабинете. Вопли и фонтаны слювы. Фоменко и Панин, великолевные клоуны, не позволяют себе никак задевать драматичным блестящим комикованием. «Академия смеха» – война изживая, забывая, глубокая, и мучают они ее также забавно, извнино и глубоко. В Панине никто и не сомневался, а за нового Фоменко должен удивлять «спасибо» Козак. Прежде него – от самого Фоменко.

... У Цубаки пух встает дыбом, с Сакисаки градом катится пот. Пьеса становится неузнаваемой, но именно такой, какую не стыдно выпустить на сцену в 2600 год от основания Империи. Они не то что подружились – сроднились нолей-пенелей. Цензор пристратился к театру и научился сочинять репризы. Драматург перестал улыбаться. Кроме того, его побили актеры – за конформизм.

В «Академии смеха» есть еще третий персонаж. Мы его не видим, но слышали о нем предостаточно. Это ворона. Кличка – Мусаки. Мусаки залетела к цензору в дом, подверглась попытке оломышнивания, но удалось урала – правда, чтобы перуться затем обратно, прихватив все свое многочисленное пернатое семейство. Драматург и сам почувствует себя птицей, привязанной ниткой за лапку, когда за секунду до заветного расчерка не к месту разог-

Немного японской экзотики в истории, понятной всем.

кровенивается и будет неосожидано отброшен ледяным взглядом: «Мы с вами заигрались и забыли, кто есть кто».

До положительной резолюции дело так и не пойдет. Последний визит Цубаки, залезшего, строгого, безудлибного, в наглухо застегнутом сортуке, – прощальный. Хотя, кажется, именно теперь ему есть что предложить Цубаки. И именно теперь грозный чиновник готов наплевать на субордин-

ацию. Какие странные, провокационные, идеологически опасные слова он произносит: «Не смейте погнбить! Не смейте цинковать! За нашу великую родину!»

Драматург получил новость и через несколько дней окажется в районе военных действий. Две тысячи неистовый год от основания Империи – по нашему летоисчислению это год тысяча девятьсот сороковой...

Новые и забавные - 2001 - 18.08.07 - 17

С. Сороковичев
К. К. К.
18/8-2001-2

18/8-2001-2
Театр им.
Пушкина